

УНИВЕРСИТЕТ ВЪРХНА АНТРОПОЛОГИЧЕСКА ШКОЛА

«На одно крыло — серебряная, На другое — золотая...»

Сборник статей памяти Светланы Рябцевой

*Под редакцией
Р. А. Рабиновича и Н. П. Тельнова*

Библиотека

КИШИНЕВ
2020

902/904 (082)=111=161.1

H 120

Печатается по решению Ученого совета
университета «Высшая антропологическая школа»

Составители и ответственные редакторы:

доктор истории Р.А. Рабинович,
доктор истории Н.П. Тельнов

Редколлегия:

доктор истории Л.В. Дергачева,
кандидат педагогических наук А.Э. Жабрева,
доктор культурологии Н.М. Калашникова,
кандидат исторических наук А.А. Пескова,
магистр антропологии А.А. Романчук,
доктор истории Д.А. Топал

DESCRIEREA CIP A CAMEREI NAȚIONALE A CĂRȚII

«На одно крыло — серебряная, На другое — золотая...» Сборник статей памяти Светланы Рябцевой = "One her wing is silver, The other one is made of gold..." Selected papers in memory of Svetlana Ryabtseva / составители и ответственные редакторы: Р.А. Рабинович, Н.П. Тельнов; обложка: Д.А. Топал; Университет Высшая антропологическая школа. — Кишинэу: Stratum Plus, 2020. — 508 p.: fig., fot., fig., fot. color., 35 p. il. color. — (Библиотека «Stratum» = Library «Stratum»), ISBN 978-9975-3198-0-5).

Cerințe de sistem: PDF Reader.

Tit., cuprins, rez. paral.: lb. engl., rusă. — Texte: lb. engl., rusă. — Referințe bibliogr. la sfârșitul art.

ISBN 978-9975-3343-6-5.

902/904 (082)=111=161.1

H 120

Этот сборник научных статей посвящён памяти учёного, археолога, видного исследователя истории средневекового ювелирного дела, костюма и ювелирного убора Восточной и Юго-Восточной Европы — Светланы Станиславовны Рябцевой (1966—2019 гг.). С.С. Рябцева занимала в науке уникальное место: её изыскания стали своеобразным «мостом между Востоком и Западом» — исследованиями Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы. Светлана Станиславовна прожила короткую жизнь, но оставила о себе добрую память. Это её замечательные научные работы и то позитивное вдохновение, которое исходило от неё к близким людям, друзьям и коллегам. Сборник объединяет работы исследователей из Молдовы, России, Украины, Румынии, Беларуси, Болгарии, Венгрии, Словакии, Польши, Франции и Великобритании.

ISBN 978-9975-3343-6-5.

© Р.А. Рабинович, Н.П. Тельнов, 2020.

© Университет «Высшая антропологическая школа», "Stratum plus" Р.Р.

© Обложка: Д.А. Топал, 2020.

Редактор материалов на английском языке: Ю.Д. Тимотина

Технический координатор: Ж.Б. Кроитор

Оригинал-макет: Д.А. Топал, Л.А. Мосионжник, Г.В. Засыпкина

Редактор карт: Л.А. Мосионжник

Корректор: Г.В. Засыпкина

HIGH ANTHROPOLOGICAL SCHOOL UNIVERSITY

‘ONE HER WING IS SILVER, THE OTHER ONE IS MADE OF GOLD...’

Selected papers in memory of Svetlana Ryabtseva

*Edited by
R.A. Rabinovich and N.P. Telnov*

KISHINEV
2020

Памяти
Светланы Станиславовны Рябцевой
посвящается

In memory of Svetlana Ryabtseva

СОДЕРЖАНИЕ

AD MEMORIAM

Р. А. Рабинович, Н. П. Тельнов (<i>Кишинёв, Молдова</i>). «Мои глаза ласкают твой портрет». Несколько штрихов к образу исследователя Светланы Рябцевой	15
Список научных публикаций С. С. Рябцевой	33
Фотоальбом	43
Некоторые графические работы Светланы Рябцевой	44

АРХЕОЛОГИЯ КОСТЮМА

М. М. Казанский (<i>Париж, Франция</i>). Пальчатые фибулы типа Арчар-Истрия на Дунае и в Крыму.	47
С. Дончева (<i>Шумен, Болгария</i>). О форме и декоре ременных бляшек в раннесредневековой Болгарии	55
С. В. Томсинский (<i>Санкт-Петербург, Россия</i>). Накладка на сумку первой половины X в. из Углича.	69
К. А. Лавыш (<i>Минск, Беларусь</i>). Восточные и византийские традиции в комплексе украшений женского костюма Руси (по материалам средневековых городов Беларуси)	77
А. Э. Жабрева (<i>Санкт-Петербург, Россия</i>). О некоторых изобразительных источниках по средневековому костюму сербской знати	89
Н. В. Жилина (<i>Москва, Россия</i>). Фибула как инсигния в западноевропейском костюме	99
К. Тэтару, Т. А. Мартин (<i>Бухарест, Румыния</i>). Булавки из клада начала XVII века из Влэдичаска, жудец Калараш.	107
Л. В. Дергачева (<i>Бухарест, Румыния</i>). Средневековый женский аксессуар головного убора из Республики Молдова	119
Н. М. Калашникова (<i>Санкт-Петербург, Россия</i>). Об использовании украшений-реплик при реконструкции костюмных комплексов	125

СОВЕРШЕНСТВО ИЗЫСКАННЫХ УКРАШЕНИЙ

- О. В. Гопкало** (*Киев, Украина*). Кольца, височные кольца, браслеты, серьги, гривны — редкие аксессуары погребального убора культуры Черняхов — Сынтана-де-Муреш 135
- В. Йотов** (*Варна, Болгария*). Золотая пластина с монограммой из поздне-античной крепости на мысе Св. Атанас 147
- И. Р. Ахмедов** (*Санкт-Петербург, Россия*). «Реликтовые» формы украшений из Елшинского клада VII в. н. э. 151
- В. Е. Родинкова** (*Москва, Россия*). История изучения женского металлического убора круга «древностей антов». 163
- А. В. Мастыкова** (*Москва, Россия*). Средневековые перстни с пентаграммой в Юго-Западном Крыму: происхождение, распространение, датировка. 171
- С. Оца** (*Бухарест, Румыния*). Серьги, украшенные ажурными сферическими подвесками, происходящие с территории Румынии, Молдовы и Сербского Баната 181
- Ю. В. Степанова** (*Тверь, Россия*). Перстни из сельских погребальных памятников Тверского Верхневолжья XI—XIII вв. 191
- А. И. Болдуряну** (*Кишинёв, Молдова*). Браслет с арабской надписью и львиной личиной с городища Костешть XIV в. (Молдова) 201
- С. И. Валиулина** (*Казань, Россия*). Некоторые украшения и детали костюма Торецкого городского поселения. 207

СОКРОВИЩА ФОНДОВ

- Л. В. Строкова** (*Киев, Украина*). Древнерусский клад из с. Новые Безрадици Киевской области. 221
- Ю. В. Мысько** (*Киев, Украина*). Предметы древнерусского головного и шейного ювелирного убора в фондовом собрании Национального Киево-Печерского историко-культурного заповедника 227
- А. Ф. Кочкина, Д. А. Сташенков** (*Самара, Россия*). Ювелирные изделия эпохи Волжской Болгарии из фондов Самарского областного историко-краеведческого музея им. П. В. Алабина 237

КРАСОТА САКРАЛЬНОГО

- М. П. Крук** (*Краков, Польша*). Двусторонний энколпион с изображениями Богородицы с младенцем Иисусом и Трех Святых из коллекции князя Чарторыйского в Кракове 251

- А. А. Пескова, А. Ю. Кононович (Санкт-Петербург, Россия). Фрагменты серебряных окладов богослужебных предметов из раскопок Большого Шепетовского городища 265**
- И. А. Стерлигова (Москва, Россия). Драгоценные украшения на древнерусских иконах по «свидетельству» резных и литых образков XIII века . . 277**
- Л. В. Пекарская (Лондон, Великобритания). Золотые колты с изображениями святых: манера исполнения и неизвестные особенности стиля . . 285**
- И. Тентюк, В. Бубулич (Кишинёв, Молдова). Раннесредневековые миниатюрные топоры Карпато-Днестровского региона. Вопросы датировки происхождения и функциональности 299**

ЛИЧНОСТИ И ЗНАКИ ЭПОХ

- С. В. Белецкий (Санкт-Петербург, Россия). Топор с изображением древнерусского княжеского знака из окрестностей Чернигова 311**
- Б. Лесак (Братислава, Словакия), Н. В. Хамайко (Киев, Украина), Е. Е. Черненко (Чернигов, Украина). Печати княгини Марины 315**
- Л. П. Заболотная (Кишинёв, Молдова). Загадка одного портрета: Мария Владимировна Старицкая или Мария (Лупу) Радзивилл? 331**

«СУММА ТЕХНОЛОГИЙ»

- К. С. Чугунова (Санкт-Петербург, Россия). Информативность химического состава средневекового металла на примере двух групп украшений из медных сплавов 341**
- И. Е. Зайцева, Е. С. Коваленко, К. М. Подурец, М. М. Мурашев (Москва, Россия). Древнерусские кресты-энколпионы: опыт нейтронной и синхротронной визуализации 353**
- И. А. Сапрыкина (Москва, Россия). Украшения из легкоплавких сплавов в городском ювелирном наборе XII—XIII вв. (по материалам из раскопок Твери) 363**
- М. И. Гоняный, Т. Г. Сарачева (Москва, Россия). Химический состав металла нательных крестов из поселений Устье 2, 3 на Куликовом поле . . 369**
- Е. В. Салмина, С. А. Салмин (Псков, Россия). Горны на курганах (открытие средневекового металлургического квартала в Пскове при раскопках 2016—2019 гг.) 381**
- Т. Б. Сениченкова, С. О. Урюпов (Санкт-Петербург, Россия). К вопросу о древней технологии смолотварения 389**

ЗАВОЕВАТЕЛИ РОДИНЫ

- А. В. Комар** (*Киев, Украина*). Поясные украшения IX в. из погребений древних мадьяр Днестро-Дунайского региона 397
- Э. Галл** (*Бухарест, Румыния*). Предполагаемое погребение «венгерского воина периода Обретения родины», обнаруженное в 1959 году у озера Тей возле Бухареста 407
- М. В. Квитницкий** (*Тирасполь, Молдова*), **Н. П. Тельнов** (*Кишинёв, Молдова*), **В. С. Синика** (*Тирасполь, Молдова*), **С. Д. Лысенко** (*Киев, Украина*), **А. Тюрк** (*Будапешт, Венгрия*). Погребение из Владычень с украшением венгерского облика. 415

ИССЛЕДОВАНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

- С. Н. Травкин** (*Санкт-Петербург, Россия*). Некоторые особенности использования монет в ювелирном искусстве в средние века 427
- Е. Р. Михайлова** (*Санкт-Петербург, Россия*). Древнерусские курганы могильника Которск IX 433
- В. Ю. Соболев** (*Санкт-Петербург, Россия*). Древнерусская погребальная культура Новгородской земли. Хронологические индикаторы раннего этапа. 447
- А. В. Курбатов** (*Санкт-Петербург, Россия*). О редкой находке в Березове на севере Западной Сибири 453
- Н. Д. Руссев** (*Кишинёв, Молдова*). От разноцветных ниточек до косточек и ножинок: к истории этнографических предметов давнего детства 461

ПОЛЕМИЧЕСКИЕ ЭТЮДЫ

- Д. А. Топал** (*Кишинёв, Молдова*). Ювелирные изделия клада из Феттерсфельде: в поисках нарратива, автора и адресата 469
- А. А. Романчук** (*Кишинёв, Молдова*). Женские украшения и возникновение Древнерусского государства: заметки на полях проблемы 479
- А. Е. Мусин** (*Санкт-Петербург, Россия*). Парадоксы рецепции византийской культуры в Древней Руси 487
- Ф. Ницу** (*Бухарест, Румыния*). Потребление ювелирных изделий в Мунтении и Молдове в XVII—XVIII вв. 499
- Список сокращений.** 505

C O N T E N T S

AD MEMORIAM

R.A. Rabinovich, N.P. Telnov (<i>Kishinev, Moldova</i>). ‘My eyes are fondling your portrait’. A few touches to the portrait of researcher Svetlana Ryabtseva . . .	15
List of works by Svetlana Ryabtseva	33
Photoalbum	43
A few graphic works by Svetlana Ryabtseva	44

ARCHAEOLOGY OF COSTUME

M.M. Kazanski (<i>Paris, France</i>). Fingered Fibulae of Archaic-Histria Type on the Danube and in the Crimea.	47
S. Doncheva (<i>Shumen, Bulgaria</i>). On the Shape and Decoration of Belt Mounts in the Early Medieval Bulgaria	55
S. V. Tomsinsky (<i>Saint Petersburg, Russian Federation</i>). An Applique for a Bag of 900—950 from the Town of Uglich.. . . .	69
K.A. Lavysh (<i>Minsk, Belarus</i>). Oriental and Byzantine Traditions in a Complex of Ornaments for Women’s Costume in Rus’ (by Materials of Medieval Towns of Belarus).	77
A. E. Zhabreva (<i>Saint Petersburg, Russian Federation</i>). About Some Graphic Sources on the Medieval Costume of the Serbian Nobility	89
N. V. Zhilina (<i>Moscow, Russian Federation</i>). Fibula as Insignia in a Western-European Costume.	99
C. Tătaru, T.A. Martin (<i>Bucharest, Romania</i>). Pin jewelry pieces from an early 17th century hoard found near Vlădiceasca village, Călărași county	107
L. V. Dergaciova (<i>Bucharest, Romania</i>). Medieval Female Headpiece Found in the Republic of Moldova	119
N.M. Kalashnikova (<i>Saint Petersburg, Russian Federation</i>). On Using Jewellery Replicas during Reconstruction of the Historical Dresses.	125

PERFECTION OF FINE JEWELRY

- O. V. Gopkalo** (*Kyiv, Ukraine*). **Finger Rings, Temple Rings, Bracelets, Earrings, Torcs: rare accessories of burial dress of the Chernyakhov — Sântana de Mureș Culture** 135
- V. Yotov** (*Varna, Bulgaria*). **Gold Plate with Monogram of the Late-Antique Fortress at Cape of St. Atanas** 147
- I. R. Akhmedov** (*Saint Petersburg, Russian Federation*). **“Relic” Forms of Jewelry from Elshino Hoard of the 7th Century AD** 15
- V. E. Rodinkova** (*Moscow, Russian Federation*). **History of Study of Women’s Metal Attire from the “Antiquities of the Antae” Circle** 163
- A. V. Mastykova** (*Moscow, Russian Federation*). **Medieval Finger Rings with Pentagram in the South-Western Crimea: Origin, Distribution, Dating** 171
- S. Oța** (*Bucharest, Romania*). **Earrings Decorated with Hemstitched Spherical Pendants Found on the Territory of Romania, Moldavia and the Serbian Banat** 181
- Yu. V. Stepanova** (*Tver, Russian Federation*). **Finger-rings from the Rural Burial Sites of the Tver Upper Volga of 11th—13th Centuries** 191
- A. Boldureanu** (*Kishinev, Moldova*). **Bracelet with Arabic Inscription and Leonine Mask Found in Costești Town of the 14th Century (Moldova)** 201
- S. I. Valiulina** (*Kazan, Russian Federation*). **Some Jewelry and Costume Details of the Toretskoe Urban Settlement** 207

TREASURES FROM COLLECTIONS

- L. V. Strokova** (*Kyiv, Ukraine*). **Ancient Russian Treasure Hoard from Novi Bezradychi of Kyiv Oblast** 221
- Yu. V. Mysko** (*Kyiv, Ukraine*). **Objects of the Old Rus Head and Neck Jewelry Dress in the Depositary Collection of the National Kyiv-Pechersk Historical and Cultural Reserve** 227
- A. F. Kochkina, D. A. Stashenkov** (*Samara, Russian Federation*). **Jewelry of the Volga Bulgaria Era from the Funds of the Samara Museum for Historical and Regional Studies named after P. V. Alabin** 237

BEAUTY OF THE SACRED

- M. P. Kruk** (*Krakow, Poland*). **Double-Sided Encolpion with the Virgin and Child and Three Saints in the Collection of the Princes Czartoryski in Krakow** 251

A.A. Peskova, A. Yu. Kononovich (<i>Saint Petersburg, Russian Federation</i>). Fragments of the Silver Frames of Liturgical Items from the Excavation of a Large Fortified Settlement near Shepetovka	265
I.A. Sterligova (<i>Moscow, Russian Federation</i>). Precious Ornaments on Old Russian Icons: Evidence of Carved and Cast Images from the Thirteenth Century	277
L. V. Pekarska (<i>London, Great Britain</i>). Gold Cloisonné Kolty with Images of Saints: their Manufacturing Manner and Unknown Style Features.	285
I. Tentiuc, V. Bubulici (<i>Kishinev, Moldova</i>). Early medieval miniature axes in Carpathian-Dniester region. The issues of dating, origin and functionality . .	299

PERSONALITIES AND SYMBOLS OF EPOCHS

S. V. Beletsky (<i>Saint Petersburg, Russian Federation</i>). The Axe with the Image of an Ancient Russian Ducal Sign from the Outskirts of Chernigov	311
B. Lesák (<i>Bratislava, Slovakia</i>), N. V. Khamaiiko (<i>Kyiv, Ukraine</i>), O. Ye. Chernenko (<i>Chernihiv, Ukraine</i>). Seals of Princess Marina.	315
L. P. Zabolotnaia (<i>Kishinev, Moldova</i>). The Mystery of One Portrait: Maria Vladimirovna Staritskaya or Maria (Lupu) Radziwill?	331

‘SUMMA TECHNOLOGIAE’

K. S. Chugunova (<i>Saint Petersburg, Russian Federation</i>). Informational Value of Medieval Metal’s Chemical Composition Based on Two Groups of Copper-Alloy Jewelry	341
I. E. Zaytseva, E. S. Kovalenko, K. M. Podurets, M. M. Murashev (<i>Moscow, Russian Federation</i>). Medieval Russian Cross Pendants: Neutron and Synchrotron Imaging Experience	353
I.A. Saprykina (<i>Moscow, Russian Federation</i>). Pewter Jewelry in the Urban Jewelry Set in 12th—13th cc. (According to the Materials from Excavations in Tver)	363
M. I. Gonyanyi, T. G. Saracheva (<i>Moscow, Russian Federation</i>). Chemical Composition of Metal Used in Breast Crosses from Ustye 2, 3 Settlements on the Kulikovo Field.	369
E. V. Salmina, S. A. Salmin (<i>Pskov, Russian Federation</i>). Metallurgical Furnaces on the Burial Mounds (discovery of the medieval metallurgy district in Pskov during excavations in 2016—2019)	381
T. B. Senichenkova, S. O. Uriupov (<i>Saint Petersburg, Russian Federation</i>). Revisiting the Ancient Technique of Tar-making.	389

CONQUERORS OF THEIR OWN HOMELAND

- O. V. Komar** (*Kyiv, Ukraine*). **Belt Fittings of the 9th Century from the Early Magyar Burials of the Dniester-Danube Region** 397
- E. Gáll** (*Bucharest, Romania*). **The Grave of an Allegedly “Conquest Period Hungarian Warrior” Found in 1959, at Tei Lake near Bucharest** 407
- M. V. Kvitnytskyi** (*Tiraspol, Moldova*), **N. P. Telnov** (*Kishinev, Moldova*), **V. S. Sinika** (*Tiraspol, Moldova*), **S. D. Lysenko** (*Kyiv, Ukraine*), **A. Türk** (*Budapest, Hungary*). **Grave from Vladycheni with Adornment of the Hungarian Type.** 415

RESEARCH AND PUBLICATIONS

- S. N. Travkin** (*Saint Petersburg, Russian Federation*). **Some Features of the Use of Coins in Jewelry in the Middle Ages** 427
- E. R. Mikhaylova** (*Saint Petersburg, Russian Federation*). **Barrows with Inhumations from the Medieval Cemetery Kotorsk IX** 433
- V. Yu. Sobolev** (*Saint Petersburg, Russian Federation*). **Ancient Russian Funeral Culture of the Novgorod Land. Chronological Indicators of Early Stage** . . . 447
- A. V. Kurbatov** (*Saint Petersburg, Russian Federation*). **A Rare Find from Berezov in the North of Western Siberia** 453
- N. D. Russev** (*Kishinev, Moldova*). **From Multi-Colored Threads to Bones and Small Knives: towards history of ethnographic objects from remote childhood** . . 461

POLEMIC ETUDES

- D. A. Topal** (*Kishinev, Moldova*). **Jewellery from Vetttersfelde Hoard: in search of the narrative, its author and recipient** 469
- A. A. Romanchuk** (*Kishinev, Moldova*). **Women’s Jewelry and the Origin of Old Russian State: Some Remarks in the Margins of the Issue.** 479
- A. E. Musin** (*Saint Petersburg, Russian Federation*). **Paradoxes of the Reception of Byzantine Culture in Medieval Rus’** 487
- F. Nițu** (*Bucharest, Romania*). **Jewellery consumption in Wallachia and Moldova, 17th—18th centuries** 499
- Abbreviations** 505

Н. Д. Руссев

От разноцветных ниточек до косточек и ножиков: к истории этнографических предметов давнего детства

Keywords: left bank of the Lower Danube, 60s. 20th century, childhood environment, colouring, amulets, *martenitsa*, *sarma*, boys' games, *arshitsi*, small knives, Turkic traditions

Ключевые слова: левобережье Нижнего Дуная, 60-е гг. XX в., предметная среда детства, цветное исполнение, обереги, «мартеница», «сарма», мальчишечьи игры, «аршици», ножики, тюркские традиции

N. D. Russev

From Multi-Colored Threads to Bones and Small Knives: towards history of ethnographic objects from remote childhood

The author addresses artifacts of traditional culture shared by the Bulgarians from the left bank of the Lower Danube in 1960s. He reviews some peculiarities of this environment, which gradually introduced children to the adult world. These were the things that protected the growing generation from the harm and secured their health and wellbeing. The author describes the differently colored amulets (*martenitsa*) and wedding frippery (*sarma*). Special attention is paid to boys' games, such as dice (*arshitsi*) and knives, which reflected some centennial values of the Turkic nomads. Particularly, this concerns analogous use of cold weapons and their transmission from generation to generation.

Н. Д. Руссев

От разноцветных ниточек до косточек и ножиков: к истории этнографических предметов давнего детства

Статья посвящена артефактам традиционной культуры болгар левобережья Нижнего Дуная 60-х гг. XX в. Рассмотрены некоторые особенности предметной среды, постепенно вводившие детей в мир взрослых. Это были вещи, защищавшие подрастающее поколение от пагубного воздействия, обеспечивая им здоровье и благополучие. Описано использование различных по цветовому исполнению оберегов, «мартениц» и свадебной мишуры — «сарма». Особое внимание уделено мальчишечьим играм в кости — «на аршици», и в ножики, которые отразили некоторые вековые ценности тюркских кочевников. В частности, это касается аналогий при использовании холодного оружия и его передаче из поколения в поколение.

*Наш прошлый и не пошлый опыт
Воспоминаньями богат...*

Николай Глазков

Незабвенная С. С. Рябцева более двух десятилетий работала рядом с исследователями древней и средневековой Молдавии. Она незаметно, но прочно вошла в пеструю археологическую среду. Светлана не выпячивала своих знаний, в которых сплелись питерские интеллигентность и выучка, глубокие познания в истории и искусстве, а также собственное женское умение быть скромной и полезной. Как-то за совокупность всех качеств ее охарактеризовали одним, но весьма многозначительным эпитетом — «цепкая...».

Честно говоря, меня мало интересовали особенности костюмов, ювелирных изде-

лий, детали отделки и пр. Лишь после многих лет исследовательской работы становилась все более ясной глубина мысли великого Микеланджело: «Внимание к мелочам рождает совершенство, а вот совершенство уже не мелочь». На мой взгляд, Светлана поняла это значительно раньше и лучше своих коллег еще по причине особой подготовки, которой у большинства исследователей юго-запада бывшего СССР не было и не могло быть. У нее многому и многим можно было бы учиться...

В данной статье я пытаюсь обратиться к деталям, характеризовавшим материальную

культуру моего детства, прошедшего в поселке Суворово близ устья Дуная (теперь Измаильский район Одесской области, Украина). Село, основанное болгарскими переселенцами в 1815 г., с вхождением Бессарабии в состав СССР получило статус районного центра, который был упразднен только к 60-м гг. XX в. Это было время последних ярких проявлений традиционной культуры болгар, совпавших с моим детством и отрочеством.

Хочу, в какой-то мере следуя примеру Светланы Станиславовны, рассказать о немало важных мелочах — из круга ныне утраченных, а тогда еще живых артефактов традиционной культуры болгарской общности. То, что в моем сознании запечатлела детская память, я решил рассказать в надежде, что теперешнее изложение будет способствовать правильному смысловому истолкованию значения предметов из прошлого.

Человечество в ходе всей своей истории развивается в созданном им материальном мире как неотъемлемой части культуры, обладающей своеобразием и изменчивостью в каждой точке координат пространства и времени. Эта истина ныне считается доказанной. Как и то, что дети издревле приобщаются к миру своих родителей и разновеликих сообществ постепенно в процессе воспитания, средством чему служит развивающая предметная среда (Новоселова 1995: 3—5). Без нее социализация — собственно говоря, очеловечивание детенышей, едва ли возможна. К тому, что и как скрывает эта «величайшая тайна», современная наука все еще ищет новые пути.

Рождение ребенка в каждой семье — большое событие. Его издревле торжественно отмечали, поскольку в появлении нового человека люди видели достойного продолжателя себя. В исторические времена традиционная культура особенное внимание уделяла первенцам мужского пола. Однако здесь жизненная практика сталкивалась с двуединой, но противоречивой задачей — уберечь хрупкое здоровье младенца и приобщить его к общественной жизни. История столетиями вырабатывала правила движения к этой цели, обставив маршрут к ней условиями, среди которых немало знаков — предметов материальной культуры, выработанных традицией. Приведу примеры из личного опыта, за которыми следуют еще не всегда устоявшиеся в научной литературе объяснения.

Естественно, в первые недели жизни ребенка особенно оберегали от опасных кон-

тактов. У болгар младенец обычно находился с мамой в изолированной комнате, доступ в которую имели только две-три опытные женщины, как правило, из ближайших родственников. До 40 дней категорически запрещалось общение даже с членами семьи (мужчинами, другими детьми). К тому же молодой маме был строго запрещен выход за пределы двора. Только после благополучного завершения карантина начиналась общественная жизнь ребенка. Крещение знаменовало торжественное предъявление ребенка родственникам, за которым следовало дальнейшее постепенное расширение круга знакомств малыша (Державин 1914: 106—114).

Но и в это время при социальных контактах строго соблюдались некоторые знаковые правила, в том числе касающиеся материальной культуры, например, одеяния и украшений для младенцев. До недавних пор, как правило, стремились соблюдать цветовую символику одеялец: для мальчиков они были сине-голубыми, а для девочек — красно-розовыми.

Край одеяла, которым обычно прикрывали лицо грудничка, обязательно был отмечен оберегом от сглаза. Он представлял крупную бусину голубого цвета, иногда «глазчатую», брошь или даже подходящую пуговицу. Когда ребенок начинал ходить, эту вещь прикрепляли уже к шапочке, по центру над его лбом. Высказано мнение, что такой оберег от сглаза болгары могли позаимствовать у турок (Голант 2013: 125), хотя я не исключаю куда более древнего происхождения этого рода магических символов, возможно испытывавших османскую моду.

Еще одна народная традиция, сохранившаяся до наших дней, связана с встречей весны. Я говорю о празднике, который символизируют две перевитые нити белого и красного цветов, известные в Карпато-Балканском ареале под названиями «*мартеница*» (у болгар) или «*мэрцишор*» (у молдаван и румын). Этот древний символ отмечен как характерная черта народных праздников болгар Бессарабии (Державин 1914: 161).

Рано утром 1 марта бабушка всегда появлялась эти ниточки на запястьях еще спящим малолетним внукам. Девочкам помимо руки аналогичным образом украшали и шею. Однако, я хорошо помню, что ритуальное действие не ограничивалось детьми. На подворье «*мартенички*» оказывались и на шеях у животных, в частности, ягнят. Не оставалось без внимания и жилище. Красной мартовской «лентой», изготовленной из старого пояса моего деда, ежегодно перевязывали один из столбов, под-

держивавших крышу террасы, которая тянулась вдоль лицевой стороны дома.

Для большинства моих ровесников, посещавших детский сад и тем более школу, ношение мартенички ограничивалось не месяцем, а всего несколькими часами. Официально объявленная «борьба с религиозными предрассудками», да и недолговечность материала сокращали жизнь этих древних символических вещей.

Возрождение «мартениц» стало происходить несколько позже, под флагом советско-болгарской дружбы. Тогда бессарабские болгары познакомились уже с серийными выпусками таких поделок, гораздо более усложненных типов. Аналогичные мартовские сувениры и сегодня широко распространены в странах Юго-Восточной Европы.

Вне всяких сомнений они обозначали новую жизнь. Не случайно цвета праздника легко связываются с известным народным выражением «*кровь с молоком*», которое обычно характеризует полных жизненных сил молодых людей. Поэтому «*мартенички*» прочно связаны с пожеланиями здоровья, красоты, удачи (Голант 2013: 120 и др.).

Еще один запомнившийся с детства материальный знак относится к свадебным торжествам. О традиционной сельской свадьбе у болгар, наверное, написано почти все. Я хочу напомнить лишь об одной детали в наряде невесты, исчезнувшей примерно к 70-м годам прошлого века. Это тонкие «золотые» или «серебряные» нити, двумя пучками красиво ниспадавшие с ее головы на плечи. Такой своего рода «дождик». Вряд ли бы я запомнил эту мелочь, если бабушка раз за разом не подводила меня к молодоженам, чтобы получить явно престижный в ее глазах подарок — «*сърма от булката*».

Новобрачная обычно с удовольствием делала такие подарки малолетним просителям, а их набиралось никак не меньше полутора-двух десятков. Запомнилось, как невеста почти царственно обрывала блестящую нить длиной 20—30 см и склонившись наматывала ее край на одну из пуговиц одежды мальчугана. Кажется, этим детские роли (моя и других счастливиц) ограничивались. Уже через день-другой мое приобретение куда-то исчезало.

Пытаясь разобраться с терминологией, пришлось выяснять, что диалектное болгарское слово происходит от турецкого *sirma*, то есть «*золото, золотой*» (Речник 1974: 489). В русском языке для обозначения этой тонкой металлической нити, обычно золотой или серебряной, употреблялись слова, хорошо из-

вестные теперь в переносном значении — «канитель», «мишура». В словаре В.И. Даля «*сарма*» толкуется как «перекат, порог речной; сарма по твердому, плоскому дну, по сланцу и лещади». По-чувашски (единственный теперь живой тюрко-болгарский язык) этим словом называют скатерть — ткань, стелящуюся на твердую поверхность. Мишуру в свадебном венке невесты использовали и гагаузы (Курогло 1980: 69).

Могу только предположить, что *сарма* (варианты: *сърма*, *сорма*) была связана с древними представлениями болгар о богатстве, которому свойственно течь и утекать, а поэтому им следует делиться с людьми. Столь же логично передавать часть золота детям, включая не своих, но допущенных к таинству брака. Важно, что веночек невесты вместе с «сърмой» вышедшие замуж женщины сберегали всю жизнь. Этот свадебный атрибут моей бабушки, подобный которому был у большинства ее односельчанок того возраста, долго украшал главную семейную икону Богородицы с младенцем. Так, надо понимать, обеспечивалось надежное сохранение священных образов, как канонических, так и языческих.

Артефакты моего детства связываются и с религиозным праздником, который с размахом отмечали каждой весной. Это день Св. Георгия — 6 мая. С ним в течение веков болгары связывали начало производственного цикла, который продолжался до поздней осени. Именно 6 мая овец пригоняли на пастбища и передавали пастухам. Помимо продуманной до мелочей организации летней работы, ее начало требовало празднования. Общинное торжество со службой в церкви сопровождалось хождениями в гости с обильными застольями.

Всюду подавали ритуальную пищу — «*печено агне с булгур*», приготовленное в печи мясо ягненка с крупой из яровой пшеницы. Сколько себя помню, в этом вкусном блюде меня больше всего интересовали суставы ножек жертвенного барашка. В семье их как бы невзначай подкладывали мне и брату. Восторг был неподдельным, когда каждый находил в своей порции мяса небольшую фигурную косточку — «*аршик*».

Игра в кости до 60-х гг. прошлого века являлась излюбленной у сельской детворы. Самые игрушки назывались «*аршици*», или по-русски — *альчики*, *астрагалы*. Их тщательно очищали от остатков мяса и жира, а затем окрашивали подобно пасхальным яйцам. Только после этого кости становились игрушками. Разумеется, двух «аршиков» было недо-

статочно, чтобы создать начинающему игроку настоящий арсенал. Собрание необходимого набора продолжалось два, а то и три года. Причем в этот процесс включалась едва ли не вся семья.

В те годы детвора складывала игральные кости в шерстяные домотканые торбочки на лямке. По рассказам деда и отца, при царе и румынах в таких «портфелях» школьники носили учебные принадлежности. Но обыкновенно среди них легко находили место и любимые игральные кости. В мое время такими сумками ученики уже не пользовались, но они исправно хранили мальчишеские собрания «аршиков». Этому служила и моя шерстяная торбочка в трехцветную клетку — красную, зеленую и черную.

Для включения в игру требовалась некоторая предварительная подготовка. Обычно дети постигали ее азы в семьях. При этом преподавателями выступали все старшие родственники — от дедушек и бабушек до братьев и сестер. Правила понимались легко. Каждая из четырех сторон кости имела разные названия и степени достоинства. 1. Наименее ценной была широкая часть с углублением, именовавшаяся «*дупка*», то есть *ямка*. 2. За ней следовала противолежащая выпуклая поверхность кости, которую называли «*корем*» — *живот*. 3. Следующей по старшинству была относительно плоская узкая часть астрагала, известная как «*тава*», т. е. *противень*. 4. Высшим достоинством при игре обладала самая фигурная сторона кости, которую мы почему-то называли «*кѣцел*». Это тогда не всем понятное слово в румынском языке означает *щенок* (*cățel*). Возможно потому, что контуры стороны чем-то напоминали собачку, а дети (особенно мальчики) во все времена особенно ценили трогательных щенков. Добавлю, что в зависимости от координат времени и места событий стороны игровых костей назывались по-разному (Державин 1914: 121; Вакарелски 1977: 468—469).

Обычно в игру одновременно вступали трое-четверо мальчишек, определив по жребию очередность действий каждого. Первый брал излюбленную им кость и бросал ее, стремясь, чтобы она упала, показав высокое достоинство. За ним метали его соперники, пытаясь показать результат лучше или хотя бы тот же. Так открывался счет. В следующем круге игроки использовали по две кости и т. д., до завершения предварительных условий. При подведении итогов проигравшие рассчитывались с победителем аршиками из своей торбочки по определенной цене, например, 3 очка — за одну кость.

Впрочем, вариантов этой игры в кости было много. Например, мама мне показывала, как аршиками играли в «*бешики*» (потурецки *beş* — пять). Описание игры с этим названием и аналогичными правилами имеется в литературе, хотя в ней вместо альчиков использовались камешки (см. Державин 1914: 120—122). Очевидна демократичность игры, которая постоянно модифицировалась. Вместе с тем, устойчивость ей придавали древние традиции, в которых символическую стоимость имело реальное богатство предков — овцы.

От домашнего мастер-класса в значительной степени зависели успехи начинающего игрока в «профессиональной лиге». Даже при честной игре неудачникам приходилось расплачиваться с победителями не только астрагалами из собственного запаса, но зачастую и другими ценными вещами или же карманными деньгами. Поэтому-то в разновозрастных компаниях моего детства младшие и неопытные довольствовались положением наблюдателей.

Среди заинтересованных свидетелей наших мальчишеских игр на улице я хорошо помню своего деда Николая. Тогда ему было около шестидесяти лет. Невысокий, крепко сложенный, загорелый и румяный, с голубыми улыбающимися глазами. Он содержал в образцовом порядке виноградник и огород, заботливо ухаживал за живностью, включавшую и собственную отару, редко вместе с ягнятами превышавшую десяток голов.

Колорит дедушке придавало его одеяние с неизменными черной шапкой и безрукавкой из овечьих шкур. Но более всего запомнился двухметровой длины пояс, обвивавший талию деда. Поверх него на тонкий ремешок был подвешен складной нож. Эта вещь в детстве особенно привлекала меня. Тем более, что вскоре я для себя открыл, что у всех взрослых болгар есть личные ножи. Причем, мужчины старшего поколения подвешивали их на пояс, как и мой дед.

В школьном возрасте я, конечно, значительно расширил свои познания, касающиеся холодного оружия. Более того, некоторые из моих ровесников уже обзаводились собственными «арсеналами». На уроках труда в начальной школе, нам давали задания на дом: изготовить с помощью взрослых деревянные ножички, чтобы чистить в непогоду обувь, или разрезать на занятиях листы бумаги.

Мне помогал в этом дедушка. Наверное, тогда я и увидел у него целый набор ножей. От больших — для забоя кабанов и разделки

их туш до маленьких складных — для окулировки винограда, а серповидный «кусор» — для срезания спелых гроздей. Я хотел, чтобы мне подарили или купили ножик; и даже рассмотрел подходящий товар в соседнем со школой «Кульмаге». Дед отказал, но пообещал иногда разрешать мне пользоваться его режущими инструментами.

Между тем, на глазах всей улицы многие подростки 13—15 лет играли в «ножички». Они виртуозно выполняли замысловатые броски и поочередно уверенно втыкали личное оружие то в землю, то в доски. Это вызывало восхищение и зависть младших пацанов. Как всегда, мне «на помощь» приходила бабушка, которая проще относилась к моему стремлению что-то строгать. Пользуясь ее расположением, я стал брать для своих дел кухонные ножи. Точил их о камни. Мастерил то лук и стрелы, то удочки... И еще довольно регулярно ранил себе руки.

Именно от бабушки я узнал о чудодейственной силе ножа. Как-то в наш двор прибежала моя двоюродная сестра. Небо уже громыхало, и внучка, чуть не плача, пожаловалась, что гроза сорвет вечеринку старшеклассников. Худенькая и сутулая старушка быстро выскочила из кухни. Украдкой смерила низкие облака, что-то прошептала и вонзила нож глубоко в землю... Дождь перестал капать, а радующаяся Маруся поспешила к друзьям... Значительно позднее я узнал, что это не единственное свойство болгарского ножа (см. Денисов 1969: 84—85).

Тогда я все-таки обзавелся ножиком. Он был таким, как мне хотелось — серо-зеленый с двумя лезвиями (одно из них с «язычком» для окулировки) и колечком для подвешивания. Почти новый. Купил ли его дед, я точно не знаю. Но как бы между прочим он поставил условие, чем несколько смутил меня — за подарок я должен угостить его вином.

Был сентябрь — своего вина в доме еще не было. Поэтому в тот же вечер мы отправились в находившуюся неподалеку колхозную корчму. На мой рубль дед купил жменю конфет и литр вина, угостив двух пришедших туда своих приятелей. Впрочем, большинство «ирисок» досталось мне. Когда старики выпили и поговорили, бабушка купил еще вина. Затем с искристым напитком к ужину мы довольные пришли домой.

В ту ночь тайна оставалась со мной. На следующий день я все же показал ножик бабушке. Она попросила бережно относиться к подарку и строго-настрого запретила давать его в руки младшему брату. Еще я получил от нее уроки владения ножом в хозяйственной рабо-

те и приемы, известные ей по играм детей начала XX в. Я был счастлив, хотя гораздо позже прочитал слова Йохана Хейзинги: «*Всякая игра что-то значит*».

Но главное, что я тогда услышал — один эпизод из сельской жизни прошлого времени. Бабушкин рассказ был о соседе по имени Иван. Он прошел окопами Первой мировой войны, вернулся невредимым домой, а затем скорострительно умер. Родственники собрались обрядовать почившего, но увидели, что на его шее пульсирует единственная «жилка». Задержали похороны, а через несколько дней покойник ожил и рассказал о явлении ему Богородицы. Богоматерь сообщила Ивану, что причина его беды таится в привезенном с фронта тулупе. Воскресший сосед вынес солдатский трофей за село и сжег. Эта история надолго запечатлелась в памяти сельского сообщества... К началу 30-х гг. ветеран дождался появления на свет внука, названного его именем. В многократно слышанном рассказе об этом меня более всего поражала одна деталь — сосед на радостях одарил новорожденного Ванюшку ножиком!

Отношение болгар к ножам, несомненно, отразило традиции, веками развивавшиеся в среде кочевников. Они касались обращения с холодным оружием, условий дарения и передачи клинков из поколения в поколение. Эти реминисценции недавнего быта находят зримые параллели в тюркских древностях Евразии (см. СЕ 1981: 124, 127 и др.; Соловьев 2003: 131).

Сохранявшиеся до сравнительно недавнего времени редуцированные остатки прошлого: элементы материальной культуры, в частности, из предметного антуража детства, архаические проявления языковой практики и странные события, которые еще живы в обрывках нашей памяти, требуют дальнейшего осознания. Старая задача: «Приписывать имя вещам и именовать этим именем их бытие» (см. Фуко 1994: 154), может быть рассмотрена в обратном порядке. Убежден, что реконструкция по памяти драгоценной ткани детства нужна, прежде всего, чтобы в очередной раз не «порвалась связь времен», чтобы в галопе буден нынешнего XXI в. не потерять базовые ценности своего древнего народа.

* * *

Завершить этот текст хочу словами не оцененного еще по заслугам поэта Н. И. Глазкова (1919—1979), чьи строки приведены в эпиграфе.

«Человек живет, спеша
Ощутить и то, и это,
А умрет — его душа
Обрывает скорость света».

Почему-то представляется, что приведенная строфа касается не столько тайн вечно-

сти, сколько следов, оставляемых людьми на земле. У С.С. Рябцевой они, как у всех ушедших, безусловно, по-своему ценны. Что касается творческого наследия Светланы, то его, на мой взгляд, более всего отличает неповторимое сочетание легкой изящности и научной пытливости.

Литература

- Вакарелски Хр. 1977. *Етнография на България*. София: Наука и изкуство.
- Голант Н.Г. 2013. *Мартовская старуха и мартовская нить. Легенды и обряды начала марта у румын*. Санкт-Петербург: МАЭ РАН.
- Денисов П.В. 1969. *Этнокультурные параллели дунайских болгар и чувашей*. Чебоксары: Чувашское книжное издательство.
- Державин Н.С. 1914. *Болгарские колонии в России (Таврическая, Херсонская и Бессарабская губернии)*. София: Държавна печатница. (Ре-принт).
- Курогло С.С. 1980. *Семейная обрядность гагаузов в XIX — начале XX в.* Кишинев: Штиинца.
- Новоселова С.Л. 1995. *Развивающая предметная среда*. Москва: Центр инноваций в педагогике.
- Речник 1974: Илчев Ст., Иванова А., Димова А., Павлова М. 1974. *Речник на редки, остарели и диалектни думи в литературата ни от XIX и XX век*. София: БАН.
- СЕ 1981: Плетнева С.А. (отв. ред.). 1981. *Степи Евразии в эпоху средневековья*. Археология СССР 18. Москва: Наука.
- Соловьев А.И. 2003. *Оружие и доспехи. Сибирское вооружение: от каменного века до средневековья*. Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс.
- Фуко М. 1994. *Слова и вещи. Археология гуманитарных наук*. Санкт-Петербург: А-сэд.

References

- Vakarelski, Khr. 1977. *Etnografiya na Bălgariya (Ethnography of Bulgaria)*. Sofia: "Nauka i izkustvo" Publ. (in Bulgarian).
- Golant, N.G. 2013. *Martovskaia starukha i martovskaia nit'. Legendy i obriady nachala marta u rumyn (March Old Woman and March Thread: Legends and Rites of the Beginning of March among the Romanians)*. Saint Petersburg: Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences (in Russian).
- Denisov, P.V. 1969. *Etnokul'turnye paralleli dunaiskikh bolgar i chuvashai (Ethnic and Cultural Parallels between the Danube Bulgarians and the Chuvash People)*. Cheboksary: "Chuvashskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).
- Derzhavin, N.S. 1914. *Bolgarskie kolonii v Rossii (Tavrisheskaia, Khersonskaia i Bessarabskaia gubernii) (Bulgarian Colonies in Russia: Tauria, Kherson and Bessarabia Provinces)*. Series: Sbornik za narodni umotvoreniya i narodopisā izdava Bălgaskata akademiya naukite v Sofiya (Folklore and Ethnography Collection edited by the Bulgarian Academy of Sciences in Sofia) XXIX. Sofia: "D'ržavna pechatnitsa" Publ. (reprint) (in Russian).
- Kuroglo, S.S. 1980. *Semeinaia obriadnost' gagauzov v XIX — nachale XX vv. (Family Rituals among the Gagauz People in 19th — Early 20th Centuries)*. Kishinev: "Știința" Publ. (in Russian).
- Novoselova, S.L. 1995. *Razvivaiushchaia predmetnaia sreda (Developing Object Environment)*. Moscow: Center for Innovations in Pedagogy (in Russian).
- Ilchev, St., Ivanova, A., Dimova, A., Pavlova, M. 1974. *Rech-nik na redki, ostareli i dialektni dumi v literaturata ni ot XIX i XX vek (Dictionary of Rare, Obsolete and Dialect Words in our Literature of the 19th and 20th Centuries)*. Sofia: Bulgarian Academy of Sciences (in Russian).
- Pletneva, S.A. (ed.). 1981. *Stepi Evrazii v epokhu srednevekov'ia (Eurasian Steppes in the Middle Ages)*. Series: Archaeology of the USSR 18. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Solov'ev, A.I. 2003. *Oruzhie i dospekhi. Sibirskoe vooruzhenie: ot kamennogo veka do srednevekov'ia (Weapons and Armor: Siberian Armament from the Stone Age to Middle Ages)*. Novosibirsk: "Infolio-press" Publ. (in Russian).
- Foucault, M. 1994. *Slova i veshchi. Arkheologiya humanitarnykh nauk (Les Mots et les choses. Une archéologie des sciences humaines)*. Saint Petersburg: "A-cad" Publ. (in Russian).

Статья поступила в сборник 17 мая 2020 г.

Nicolaj Russev (Kishinev, Moldova). Doctor Habilitat of History. High Anthropological School University¹.

Руссев Николай Дмитриевич (Кишинёв, Молдова). Доктор хабилитат истории. Университет «Высшая антропологическая школа».

E-mail: nrussev@mail.ru

Address: ¹ N. Iorga St., 5, Kishinev, MD-2009, Moldova